

An abstract painting with a complex, layered composition. The background is a mix of warm yellow, ochre, and brown tones, with darker, more saturated areas of green and blue. Several figures are depicted in a somewhat skeletal or ethereal manner, rendered in shades of brown and red. The figures appear to be standing or in motion, though their forms are not clearly defined. The overall texture is rough and expressive, with visible brushstrokes and a sense of depth. The text is overlaid on the right side of the painting.

ЕЛЕНА КРЮКОВА

ОКЕАН

Елена Крюкова

Океан

«Издательские решения»

Крюкова Е. Н.

Океан / Е. Н. Крюкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836814-1

Феномен русского юродства в «Юродивой». Феномен русского Эроса в «Империи чувств». Феномен русской апокалиптики в «Реквиеме конца века». Это русский Космос, русский Океан, и он объединяет в себе все сущее: безумие и мудрость, страсть и аскезу, плач по усопшим и праздник рождения. Это океан бытия, плещущий прибоем в каждую человеческую жизнь.

ISBN 978-5-44-836814-1

© Крюкова Е. Н.
© Издательские решения

Содержание

ОКЕАН	7
Песнь торжествующей любви	8
Мать Юродивая	9
Елена Крюкова: Ксения идет по России	10
Ксения – по России: идет, плачет, страдает?	10
Семь песен Ксении на площади	10
Глаза детей голодные	11
Дорога художника	12
Апология Эроса как оправдание бытия	14
«Милости хочу, а не жертвы...»	15
ЮРОДИВАЯ	17
Выходит Ксения Юродивая из метели	17
«Одежду разрывала...»	18
Горячая картошка	19
Пляска на Арбате вместе с медведем. Зима	21
«О, так любила я цветную...»	23
С петухом на руке	24
«...а я девка сильная...»	24
«Мой ход подобен вееру разврата...»	24
«...Петух мой чудесный...»	25
«Зачем ты, девка, с петухом танцуешь?!...»	26
«...И слышу – кукарекают...»	27
«Дай мне бутылку черного...»	29
У проруби	30
«Я каменная баба...»	32
«Ну, сбегай же с ума...»	33
Схождение с ума	34
«Дыряв мой мир...»	37
«Все на свете были мальчики и девочки...»	38
На Тайной Вечере	39
«Наползает черное крыло...»	42
«Вы, звери мои и птицы!..»	43
Золотая Голова	44
«На тебе кус калача, родная: он похож на топаз...»	45
Жарю курицу посреди улицы, на пепелище	46
Юродивая и скоморохи (хоровод)	48
«...Скоморох, скоморох...»	48
«...Пляшу, плясица!..»	49
«...И пошла ПЛЯСКА СКОМОРОШЬЯ...»	50
«... – Эй, возьмитесь за руки, красные люди!.. ...»	52
«...Она все бегала, трясла...»	52
«Морозу – верь... древняна дверь...»	55
«Мои облака... облатки...»	56
Ход Ксении по облакам	57
«...Весь век мой высечен. Изрезан до кости...»	57
«Не увлакивай меня...»	61

Борьба Ксении с Дьяволом	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Океан

Елена Крюкова

© Елена Крюкова, 2017

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-6814-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОКЕАН

Феномен русского юродства в «Юродивой».

Феномен русского Эроса в «Империи чувств».

Феномен русской апокалиптики в «Реквиеме конца века».

В новой книге Елены Крюковой эти три феноменальные ипостаси русского Космоса сплетаются и разъединяются, образуя то нервно-дискретную, то величаво-цельную картину мироздания. Крюковское мироздание обладает одной особенностью: оно коронует самых бедных, нищих и последних «в мире сем» и вместе с тем дает понять, что только пламенная, высокого полета жизнь имеет право на существование, только великая мощь – и художническая, и любовная, и промыслительная – оправдывает всю вертикаль бытия: от нежной и тонкой мелодии милости до громоподобия войны и ярости.

И это действительно «Океан» – здесь, в имени книги, океан выступает символом, могуче объединяющим все сущее: безумие и мудрость, эрос и аскезу, плач по усопшим и праздник объятия и рождения. Это Океан бытия, плещущий прибоем в каждую человеческую жизнь.

Песнь торжествующей любви

(о «Юродивой» Елены Крюковой)

Елена Крюкова – поэт. Попытаюсь сказать о поэтике этой вещи.

Бесконечные периоды обнаруживают глубокое и сильное дыхание, верно «поставленный» ритм; синонимические ряды и грозди эпитетов говорят о сложном составе красок, стремительно бросаемых на полотно (отец автора, Николай Крюков, был художник; многое врожденно и перенято – этакая вихревая малявинская манера); отказ от сглаженной реальности будней в пользу фантазмагии бытия говорит о стремлении к Истине – Ее колючие искры вспыхивают на каждой странице. Перед нами то, что вернее всего назвать ПЕСНЬ, нынче действительно необычайная, умолкшая века тому назад. То притча, то сказ, то чисто музыкальная импровизация (Крюкова – музыкант: рояль, орган), то стихи как восхолмья, всегда уместные на равнине.

В «Юродивой» все это есть, да и само название провозглашает многозаконность, я бы сказал, этой песни-жизни, многого требующей и от читателя. Управлять и выстроить свою песнь (все же ПЬСНЬ!) помогла Елене Крюковой страстная, опять-таки необычайная на сегодня, быть может, единственная по яркости своей ЛЮБОВЬ ко всему существу. Оглядываясь, не вижу ничего ей вровень. Вспоминая, бормочу строки Уитмена... Любовь и творит чудеса сюжета – как творит она ЧУДЕСА ЖИЗНИ.

Юродивая ипостась Великого Чувства – буквальная близость всего со всем – и пленительной русоволосой Ксении с последним бродягой и самим Христом-Богом. О Русь...

Всеохватывающая такая страсть выводит во множестве сцены и положения, невозможные при малейшем ее недостатке. Тогда Крюкова оскальзывалась бы в пошлость простой телесности, столь любезной рыночному вкусу. И книга ее была бы товарной, как вся эта глянцева пакошь на нынешних лотках.

Словарь и склад этой втягивающей, ворожащей речи там и сям отсылают память к древним причитаньям и плачам (эта Крюкова – к той, к Марфе Крюковой!), заклинаньям, челобитным, молитвам. Сама Ксения – волхова, угодившая в наш век, да еще в пору имперского распада. За отсутствием какого-то общего покаяния-анализа накопленных чувств ужас расплаты налегает на узкие эти плечики, исхлестанные шомполами, на русо-седую прекрасную голову... Почему-то волосы тут постоянно великолепны, к ним ни грязь, ни кровь не пристают... Расплата за прошлое, за сегодняшнее. Русский катарсис? Вывози, юродивый...

«И по причине беззакония оскудеет любовь». Так у Матфея.

В эту скудость то бедная и жалкая, едва живая, то великолепно крылатая и всемогущая, несет Ксения, ВОЛЧЬЯ ДОЧЬ, бесконечную свою, безоглядную, безответную любовь.

Правда, дело это вечное. Россия немислима без такого анахронизма, без такого «родимого пятна». Без такой абсолютной любви, соединяющей землю и небо. Не будь такой Юродивой на площади и на страницах, я бы не знал, ей-Богу, ЖИВ ЛИ еще несчастный наш народ...

Владимир Леонович

Мать Юродивая

...Ледяной ветер, прорвавшийся из *иных* пространств, из *иных* времен, пронизывает тело, пронизывает душу... Так мало осталось тепла... На всем белом свете так мало осталось тепла... Только в немногих душах еще теплится возжженный Им огонек, порой прорастающий огненными языками сквозь ветхую оболочку тела. Только не дать ему угаснуть, только сберечь его на этом вселенском сквозняке, только выплеснуть его в мир, обезумевший от нескончаемой Зимней Войны... Только...

«Юродивую» Елены Крюковой анализировать, разлагать на составляющие, пытаться искать аналоги, хвалить за метафоричность, хулить за плотскость – глупее занятия не придумаешь. Нужно опасаться плоского взгляда – он заведомо не способен постичь авторскую поэтику, авторское мировидение, авторскую метафизику, в конце концов. Ибо перед нами не текст – писание, не поддающееся никаким жанровым определениям. Разве можно анализировать ветер, грозу, снег, ночь? Разве можно живую СТИХИЮ замкнуть в тесные странички убористого текста? Нет...

Перед нами – *живая* Вселенная, экстатический мир архетипов русской души, в «Юродивой» выплеснувшийся горячей лавой не слов – сакральных речений, восходящих к древним молитвам, причетам, заговорам, а на вершинах своих – к Тому Слову, «*что стало плотью и обитало среди нас*» (Ин. 1,14).

Ткань, из которой соткана «Юродивая» – ее не назвать изящной, метафоричной, еще какой-либо, потому что любое определение принципиально неполноценно. Тем более неразумно выискивать в «Юродивой» кошунство или богохульство – перед нами не богословский трактат, не святоотеческое писание, не аскетические сотницы. Писатель – не обязательно агиограф, да авторский замысел и не претендует на агиографию; это, как мы уже упоминали, совершенно особый мир.

Можно завять волком, засидевшись над ее страницами, можно затеплить лампаду и молиться, и класть поклоны, можно выбежать на улицу и ловить губами первые, такие невесомые снежинки – вестницы Мира Горнего, можно взять посошок, и, тихо затворив за собой дверь, отправиться в бесконечное странствие по русским проселкам, ночуя в стогах, заходя в монастыри и убогие избы, припадая губами к маленькому лесному родничку, слушать раскаты спелой июльской грозы в открытом поле... и позабыть все: все наши условности и приличия, государства и революции, банки и газеты... и лишь вышептывать губами Имя Имен, ради которого и живем-то мы. Которым живем мы.

Можно только удивляться тому, что в нашу промозглую эпоху, эпоху имитации смыслов и безудержного произвола «захватничества» – проявления, выражаясь библейским языком, человеческого *звероподобия*, Мать Юродивая пришла к нам. А, может быть, это и вовсе не удивительно. *ИНОЕ* всегда приходит к нам тогда, когда, казалось бы, не остается никакой надежды на наше человеческое, слишком человеческое.

Иначе и быть не может... Ибо кто может познать волю ветра?

Юрий Поаов

Елена Крюкова: Ксения идет по России

*«Культура – это та атмосфера,
которую создает вокруг себя человечество,
чтобы существовать дальше;*

чтобы выжить»

Юрий Лотман. «Беседы о русской культуре»

Ксения – по России: идет, плачет, страдает?

Это книга не просто о юродивой Ксении (тезки знаменитой Ксении Блаженной), но о России, о её роли в мировой истории, и эта душа, эти времена увидены глазами музыканта и поэта. Россию и её исторический путь Елена Крюкова сравнивает с юродством Христа ради – отказом от рациональных устоев и принятием жизни до предела чувственной, эмоциональной, почти безумной – да и вправду безумной – и трагически (и – парадокс – одновременно и радостно!) обреченной, не умеющей себя защитить.

Для создания сюжета стихотворной фрески «Юродивая» Елена Крюкова извлекает из тайного сундука своего консерваторского образования возможности большой музыкальной формы – симфонии, сонаты, сюиты, а в отдельных частях поэмы повторяет народные песенные интонации, такие близкие и родные.

Семь песен Ксении на площади

Мы знакомимся с главной героиней книги Ксенией на площади, где она подхватывает из чужих рук только что сваренную картошку и наблюдает самоубийство незнакомки. Эта отчаявшаяся нарядная девушка – символ упущенных возможностей каждого человека, тех самых возможностей, которые быстро могли привести погибающую судьбу в другую, благодатную реальность. Иногда мы успеваем заметить лишь «край одежды» такой ускользающей возможности, «острый носок туфельки», а наша героиня рассмотрела её всю, на снегу, умирающую, – предвестник будущих событий в жизни самой Ксении-России, случайно найденный ключ к пониманию судьбы.

*Вы все прозевали
Царство, Год и Час.
С мякиной прожевали
великих нас.
Вы скалили нам
саблезубую пасть.
Вот только лишь картошку
разрешили украсть —
Горячую лаву: сверху перец и лук,
И серп и молот, и красный круг,
И масло и грибочки... – торговка – визжи!
Вон, по снегу рассыпаны монеты и ножи!
Вон, рынок бежит, весь рынок визжит!
А вон на снегу синем девочка лежит —*

*В шапке мерлушковой, в мочке – жемчуга,
Балетно подвернута в сапожке нога...
И я над ней – голодная – кол в рот вам всем —
Стою в клубах мороза, из горсти картошку ем!
Мы обе украли: она – судьбу, я – еду.
Украсьте нас орехами на пьяном холоду!
Венчайте нас на Царство, шелупонь-лузга-казань:
Царевну-лебедь-мертвую, княжну-голодрань!
Стреляют... хлещут... свищут...
идут нас вязать...*

*Вареною картошкой...
мне пальцы... унижать...
О клубеньки-топазы...
о перец-изумруд...
Кровь на снегу... все в шапочках... мерлушковых... помрут...*

*И тот, кто ломал мне руки, бил, не жалея сил,
Носком сапога на красный снег
картошку закатил*

Глаза детей голодные

Неудивительно, что, после картин толпы, войны, общего безумия, социальных потрясений мысль поэта обращается к детской теме.

Вот же они, рядом с Ксенией – русские мальчишки! Глаза голодные, испуганные, губы в странной недетской усмешке – дрожат. Лохмотья обвивают тела ледяными лентами с острыми краями. О ком же ещё волноваться, кого кормить, кого оберегать от бед? У автора достаточно внимания и сил для главного – материнства, заботы о живом, пока ещё крохотном ростке будущего – веселого, земного и правильного, пережившего с заботой матери, женщины боль революций и войн, стужу всех наших русских зим, что не пережили Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Николай Гумилёв, их современники...

*Щербатые, пацанята,
Что жметесь, – поближе, ну...
Я в дольном мире треклятом
Ломоть вам в зубы втолкну.
Огрызок тощего мяса:
Живое – вживе дотле!.. —
Чтоб вы своего часа
Не знали на голой земле.
На тебе, Федя, кусок,
и тебе, Коля, кусок;
А я сама привяжусь за живой в помощи поясок
То, что вы не догрызли:
Кость воли,
Ребро жизни...*

То значимое, что остается детям после скромной трапезы, самое главное, самое дорогое, мысленно протягивает поэт и нам: *«кость воли, ребро жизни»*. Без капли сомнения принимаю такой судьбоносный подарок. Сохраню. Благодарю!

Дорога художника

Елена Крюкова более двадцати лет жизни посвятила изучению и подробному отражению -выражению в своих стихах и своей прозе главных, веками складывавшихся символов-знаков русской и мировой культуры. Таинственные и величественные образы Иисуса, Богородицы, Марии Магдалины, других православных святых тревожат воображение художника, но тут дело даже не только и не столько в христианской мифологии. Сакрален для Крюковой сам русский народ, и его мрачное символическое, через все времена, шествие в «Юродивой» передано как нельзя более мощно, неуклонно, неотвратимо:

*Они шли прямо на меня, и я видала их —
В шинелях серого сукна, в онучах записных,
И в зимних формах – песий мех! –*

*и зрячи, и без глаз —
На сотни газовых атак – всего один приказ! —
Крестьяне с вилами; петух,*

*ты красный мой петух,
На сто спаленных деревень – один горящий Дух!
На сто растоптанных усадеб –*

*один мальчонка, что
В окладе Спаса – хлещет дождь!.. –*

*ховает под пальто... —
Матросы – тельник и бушлат, и ледовитый звон
Зубов о кружку: кончен бал, и кончен бой времен,
И торпедирован корабль, на коем боцман – Бог,
А штурман – нежный Серафим*

с огнями вместо ног... <...>

Это такой русский «Ночной дозор», – и правда, рембрандтовские краски провсечивают в этой подробной и вместе цельной словесной живописи.

Память крови и предков, весь жизненный опыт русского человека, пылающая совесть – равноправные соавторы писателя, так и было задумано изначально. Они дополняют всё то, о чем говорит поэт между строк, новыми штрихами, звуками родной речи, неожиданными оттенками эмоций; делают стихотворную картину в воображении читателя кинематографически подробной, придают ей неповторимые черты.

*– Эй, возьмитесь за руки, красные люди!.. —
Не взялись.*

Горкой красного винограда

*на грязном зимнем блюде
Запеклись.*

*– Эй, что ж вы не пляшете, скоморохи?!..
Ноги отсохли, ну?!.. —*

*На морозе распахнуты шинели, ватники, дохи.
Всех обниму: оглянущу.*

*– Эй, что молчите...
на меня колко глядите...
как... елка в Новый Год?!..*

*И с гармонью инвалид
харкнул из глотки холодный болид:*

– Дура. Война-то... идет.

В книге стихов «Юродивая» Елены Крюковой – наши идеалы, святые имена. Юродство героини этой своеобразной стиховой оратории совсем не ортодоксальное, не «приличное», не каноническое. Эта владычица юродивых говорит и делает что хочет, ориентируясь лишь на любовь и видя перед собой лишь одну ее, которая, по апостолу Павлу, и есть Бог.

Возможно, эта спорная этическая позиция, но ведь искусство – эстетика, а в корнях любой эстетики все равно прорастает народная могучая этика, как ни крути.

Удивительное сплетение исторических событий и отдельно взятой жизни юродивой Ксении, чистой души, человека светлого, сердечного и мужественного, словно бы говорит нам о том, что и мы можем отвлечься от быта и заглянуть в Бытие – далеко в прошлое и далеко в будущее. Зачем? Возможно, чтобы знать, к чему на самом деле мы идём.

Ольга Таир

Апология Эроса как оправдание бытия

Что сказать о поэзии Елены Крюковой?

О большой композиции «Империя чувств»?

Её огненный темперамент не всегда находит себе место под солнцем.

Или находит, но не под тем.

Её непросто читать, потому что совсем не просто добиться от неё её саму.

Любит историю, знает Священные книги... бесконечные ассоциации из её стихов можно черпать экскаватором.

Но рвётся только там, где тонко. А тонко у Крюковой там, где её могучий эротизм срывает с повода разумно сконструированных композиций, и он начинает яростно, громко говорить от себя. О себе.

Тут перегорает «дней связующая нить», лопаются коросты благих намерений, и красный густой поток медленной магмы меня берёт и влечёт.

Наконец-то берёт. Наконец-то влечёт. И увлекает.

Утягивает меня кровавый танец, утягивает почти насильно в дом дыма и Востока, в сажу тьмы, и сладка тогда мне эта неволя, ибо гипнотичен красный камень на грудях, ибо драгоценен и непорочен прорвавшийся звёздный ток поэзии Крюковой, будь то безумства сладострастия или тихие признания.

Борис Левит-Броун, Венеция

«Милости хочу, а не жертвы...»

Глядя на творческий лик Елены Крюковой, я думаю: сколько смертей и мученичеств надо пройти, чтобы снискать такую доброту! Через какие пещерные мраки преисподние проползти на карачках, чтобы стяжать такой свет! Какую благодать всечеловеческую заключать в себе, чтобы, живя в окружении нынешнего зла, в нынешнем канцерогенном мраке, являть собой исключительное, истинно женское, жертвенное, богоматеринское добро!

Со мной что-то произошло... За последние 50 из 67 лет жизни не припомню, чтобы чья-то поэзия меня впечатляла так, как эта. Какой обжигающий восторг вызвала у меня Крюкова!

Сородная, однотипная, одноструктурная... Воспринимаю ее поэзию словно изнутри себя: неким сокровенным слуховым окном, которое есть в каждом человеке, изумительной таинственной метафизической амбразурой.

Кто такая Елена Крюкова? В этой жизни – писательница. Некогда окончила курс специального фортепиано в Московской консерватории у Маргариты Федоровой. Близоруко уткнулась глазами в компьютер, пишет поэзию и прозу... Но за этой летописью, в которую она хочет втеснить свое божество, стоят десятки тысяч жертвенных инкарнаций.

В ней сосредоточена мученическая благодать русской истории. Жертвенность до последней капли крови.

Такую доброту стяжать непросто. Необходимо десятки раз принести себя в жертву любви. Елена, летя сквозь время, сквозь историю, прошла такие преисподние, огни, воды и медные трубы, столько раз была оплевана, избита насмерть, замучена... Обывательскому сознанию не под силу даже представить, какой ценой дается такое великое человеческое творческое солнце.

Она настолько глубоко вживается в ткань бытия, она настолько сакральна, так освящает и одухотворяет каждый шаг, каждое дыхание свое и окружающих, что я могу только поклониться ей и молиться о ней.

Быть может, ей еще не хватает света, чистоты и девства... Но она слишком вошла в душу народную. Было бы даже недостойно предъявлять ей стандартные требования: очиститься, одухотвориться... Масштаб ее доброты таков, что эта душа воспринимается как есть, в изумительной цельности.

Душа великая, глубоко народная, архетипическая, представительная, репрезентативная. Душа огромной *ёмкости*. Никакие земные мерилы к ней не подходят.

Божественное начало в ней проявлено предельно юродиво – в форме каких-то нецветаевских цыганских высот, каких-то кроваво-пламенеющих форм, юродивых материнских наговоров, народных, одухотворенно-архетипических, пронзающих сердце, задевающих за живое...

Юродивость – своеобразный щит, ограждающий от стрел рациональной идентификации: «кто? что? откуда?...» Нельзя ничего сказать. Неведомо, откуда.

За прозой (внутренний человек) стоит поэзия (человек таинственный). Но за поэзией лежит измерение еще более глубокое – запечатанный Пребожественный лик, который больше поэтического, не говоря о прозаическом. Этот лик я и боготворю, его молитвой насаждаю в ней, благословляю и восхищаюсь.

Ее зашифрованные тексты, где голые любовники сходятся на битом стекле и в израненных телах, ее широкие цыганские песни, ее рваная душа среди окровавленных русских барачков – только попытка как-то творчески осознать трагический, многомиллионный и тысячелетний, земной опыт.

Эта великая душа уже столько раз была замучена, избита насмерть, окровавлена, четвертована, проклята, заговорена, приговорена, что наработанного страстного хватит на тысячу воплощений. Поэтому она сама даже и не в силах осознать этот собственный свет. Нет рядом человека, который смог бы это солнце увидеть, оценить и преподнести в дар России.

Человеку надо дорасти до неба, макушкой коснуться запредельной высоты, чтобы увидеть красоту юродства воочию. Крюкова далеко не проста в своих юродивых внешних, литературных формах. Не просто уловить, практически невозможно это осмыслить. Надо духовно созреть, чтобы увидеть это блаженное и благословенное юродство, этот свет как некий небесный прецедент, как крылатого посланника с тех небес, о которых человек лишь догадывается.

Вижу в ней несметные кладовые, бездны добра.

Не потрясающе ли, что среди радиоактивных развалин, среди убожества современной России, которого отечество наше не знало, наверно, со времен геноцида калик перехожих, родилось такое величайшее явление, расцвела такая необъятная душа русских рек, озер, лесов, самого русского народа?!

От подобного Богородичного видения сам изнутри меняешься. Но увидеть непросто. Елена, по сути, недоступна даже для самой себя. На мой взгляд, ее сочинения, одно другого благолепнее, объемнее и широкомасштабнее, – лишь робкая попытка заглянуть в ипостасную глубь собственной души, едва выраженную в настоящем.

Отец Иоанн Блаженный, Барселона

**ЮРОДИВАЯ
(фреска)**

Выходит Ксения Юродивая из метели

«Одежду разрывала...»

*Одежду разрывала
И ноги задирала.
А после – на снегу —
В алмазах одеяла —
Пить из грудей давала
И другу, и врагу.*

*Пить из грудей! – их много.
В них млеко и вино.
В крови, слепой, убогий,
Безрукий и безногий —
Всяк, от червя до Бога,
Дышал в меня темно
И полз, сосцы хватая,
И падал на бегу...*

*Я корчилась, святая,
На каменном снегу.*

*Рычали и катали,
И сапогом – в уста...*

*А платье разорвали
От срама до креста.*

Горячая картошка

Пока ты зеваешь, соля щепотью рот,
Пока слепнями на снегу жужжит народ,
Пока на помидорину Солнца жмуришься,
Кобыла, дура, дурища, дурища,
Пока безрукий водовоз свистит в свисток,
Пока тощий пес глядит себе промеж ног,
Пока грохочут бульжники-облака,
Пока держит револьвер у виска
Девчонка в мерлушке – играет, поди,
В рулетку!.. – на ней жемчугами – дожди,
На ней чернью-сканью снега висят,
У ней, как у зайца, глаза косят;
Пока... – над картошкой – пар-малахай... —

И закричу: не стреляй!.. —
не стреляй!.. – не-стре-...
...ляй!..

...и она выстрелит – и я картошку схвачу
В голые кулаки,
как желтую свечу,
Стащу у торговки с мышинового лотка, —
Принцесса, не промазала нежная рука!

Вы все прозевали
Царство, Год и Час.
С мякиной прожевали
великих нас.
Вы скалили нам
саблезубую пасть.
Вот только лишь картошку
разрешили украсть —
Горячую лаву: сверху перец и лук,
И серп и молот, и красный круг,
И масло и грибочки... – торговка – визжи!
Вон, по снегу рассыпаны монеты и ножи!
Вон, рынок бежит, весь рынок визжит!
А вон на снегу синем девочка лежит —
В шапке мерлушковой, в мочке – жемчуга,
Балетно подвернута в сапожке нога...
И я над ней – голодная – кол в рот вам всем —
Стою в клубах мороза, из горсти картошку ем!
Мы обе украли: она – судьбу, я – еду.
Украйте нас орехами на пьяном холоду!
Венчайте нас на Царство,

шелупонь-лузга-казань:
Царевну-лебедь-мертвую, княжну-голодрань!
Стреляют... хлещут... свищут...
идут нас вязать...

Вареною картошкой...
мне пальцы... унижать...
О клубеньки-топазы...
о перец-изумруд...
Кровь на снегу... все в шапочках... мерлушковых... помрут...

И тот, кто ломал мне руки, бил, не жалея сил,
Носком сапога на красный снег
картошку закатил.

Пляска на Арбате вместе с медведем. Зима

Снег синий, сапфир, зазубринами – хрусть!
Меня перепилит, перерубит: пусть.

Люди: медведями топчется толпа.
Солнце-сито. Сеется рисова крупа.

Вы на сумасшедшенькую пришли поглядеть?!.. —
Буду с медведем в обнимку танцевать, реветь!

Цепь его побрякивает россыпью смертей.
Повыше подымайте кочанчиков-детей.

Катайте по плечам детей-яблок, детей-дынь:
Гляньте – медведь валится, пляшет,
пьяный в дым!

Напоила я его водкой из горла,
А закусить ему перстеньком своим дала.

Как убьют плясуна, станут свежевать —
Станет в ране живота перстень мой сиять.

А сейчас сверкают зубы – бархат пасти ал...
Брось на снег, царь калек, рупь-империал!

По снежку босая с бубном резво запляшу,
Деньгу суну за щеку, чисто анашу.

Ах толпень! Сотни рыл! Тыщи гулких крыл!
Чтоб медведь вам землю носом,
будто боров, рыл?!

Никогда! Это зверь вольный, как зима!
Я его кормила коркой. Нянчила сама.

Я плясать его учила – бубна не жалея!.. —
На погибель, до могилы, до рванья когтей!

Из-под когтя – красно...
Пятна – на снегу..
Влей мне в бубен вино! Поднесу врагу.

Повозки шуршат, сапоги по льду хрустят,
Мыши ли, павлины ли поглазеть хотят!

А медведь мой топчется, топчется, топ...
...Положите с черной шкурой меня —
в сосновый гроб.

И я пальцами вплечусь в смоль седых шерстин:
Спи, мой зверь, плясун глухой,
 мой последний сын,
Мой танцор, царь и вор, метина меж глаз:
Отпоет единый хор сумасшедших нас.

«О, так любила я цветную...»

О, так любила я цветную,
меховую, рогожную толпу!

...Видала я ее живую.
Видала я ее в гробу.

Мне каждый помидор на рынке,
чеснок был каждый – царь!

...Одни обмылки и поминки.
Один пустой мышинный ларь.

Цветносияющее Время,
родное, нищее, – прошло.
Уже не стремя и не семя:
Я под босой ногой – стекло

В грязи.
Ты не увидишь блеска.
И ты раздавишь всей ступней.
И боль. И кровь. И выкрик резкий
Чужой. И хруст последний мой.

С петухом на руке

Вот она я – иду, к любви гожа
И к топору!
Петух сидит – вцепился больно в кожу
Плеча. Петух, я не умру?!

Я смертна?!.. – наплевать:
Мне петуха держать,
Мне дитяток рожать,
Мне у столба стоять —
Плевком костер тушить... —
Собаки!.. – с вами жить.

Иду. Расчески подворотен.
Длинных улиц
Петуший драный хвост.
Я с петухом! Для ваших дохлых куриц —
Живой погост!

Красивых баб из бытия изъяли.
Красивых мужиков
Перестреляли – вон, на снежном одеяле —
Вповалку – мертвых дров —
Не счесть...

«...а я девка сильная...»

...а я девка сильная.
А я с петухом.
А я – косы сивые —
На облаке – верхом.
А вы – лишь о золоте!
А вы – грызть-хлебать!
Я – в дыму и холоде —
Кукарекну хохотом,
Забью крылом-голодом,
Полечу над городом,
Снег зачну клевать!

«Мой ход подобен вееру разврата...»

Мой ход подобен вееру разврата,

Когда жара-ханжа —
На небесех. Любой подачке рада.
Я мед слижу с ножа.

Слизну коровье масло... слезку сыра... —
Вот, плюну вам во снедь! —
Иду, поджавши брюхо на полмира:
Достойно залатать веревкой дыры.
Достойно умереть.
Достойно жить вот так.
Отвержен уголь.
Отвержена зола.
Заплеван и загажен красный угол.
А я, петух, дошла!

Вот она Красная, Отверженная Площадь,
Вот Лобная Свеча —
Кричи, петух, визжи, заржи, как лошадь,
При виде палача —
Гляди кровавым зраком вечной ночи
С девчонкина плеча!

«...Петух мой чудесный...»

*...Петух мой чудесный.
Он знает народ.
Он манны небесныя
Блестки клюет.
Обман ваш поганый
Он видит насквозь.
Под клювом-наганом —
То гвоздь, то гроздь.
Он знает: народу
Веселье давай.
За жизнь и свободу —
Тугой каравай.
За веру и славу —
Динарий-медяк.
Медалей кровавых
Пустой перебряк.
Мясных расстегаев
В печи переброс.
Он воплем пугает! —
А смеху — до слез.
Ты, красная птица.
Гляди, что за люд.
Им лишь бы утиться —*

*В мешок наблюют.
Да, мы не святые.
Да, голь-голытьба.
Такие простые,
Как наша судьба.
А зерна в желудок —
За трех и за двух.
Народ жирных уток
Ты видишь, петух?!..
Ты зришь ли болотных,
В пуху, куликов —
На кочках мерзлотных,
В мерцанье оков?!..
Я по снегу, птица,
Свищу босиком!
Мне жизнь моя снится!
Мне смерть ничем!
Я малая мышка!
Я волк! И я лис!
Кричи, петушишка!
Вопи! Захлебнись!
Ори!.. —
как распустись
Огненный хвост!*

*Меня ты не пустишь —
Босую – до звезд.*

«Зачем ты, девка, с петухом танцуешь?!..»

*«Зачем ты, девка, с петухом танцуешь?!..
Вяжи, лови, держи!..» —
«Зачем, халда, на Площади ночуешь...
На мостовой... скажи...» —*

*«Ей руки за спину!.. – а петуха прибейте,
С петрушкой – сварите детям суп!..» —
А с ним – меня.
Меня не пожалейте.
Ни рук живых. Ни губ.*

*Ни легких стоп, прошедших по оврагам,
Брусчатке и жнивью.
Ни кос, что на ветру зубчатой драгой
Терзали жизнь твою.*

Ни алых щек. Ни ярких глаз громадных,

Как фонари,
Громадных, ярких, бедных, безотрадных,
Как зимний хлеб зари.

Над нищим городом Москвой иль Магаданом,
Железным и седым,
Над красным петухом, безумным, пьяным,
До клюва пьяным в дым,

До гребешка, до перьев враслопырку,
До пламени хвоста,
Где все сгорит – все бублики и дырки,
Все бранные Лубянки и Бутырки,
Вся радуга Креста.

И, ярче радуги, ширей костей и камня,
Крепчей и кирпичей, и плах... —
Убейте мя!.. – но голыми руками,
Но голыми, веселыми руками... —
Стою!.. – петух в руках!

И прямо в гребень я его целую,
В огонь, в зубчатый страх,
Да, прямо в смерть, красивую, живую,
Еже пылах – пылах!

«...И слышу – кукарекают...»

...И слышу – кукарекают:
«Вон лежит ничком
Дура стоеросовая —
Дура с петухом.
Что он кукарекал нам —
Было не понять.
На шубе дурки
дырку нам,
Ой, не залатать...»

Сколько пуль на снегу —
таков, сочти, и год.
Петух убитый
в руку
меня клюет, клюет.
Все пули-дуры склевал.
Все у него в зобу.
Вот живой он сидит
на моем гробу.

А гроб мой две лошадки
на Ваганьково везут.
А за ним два грузовика
с елками ползут.
Ведь назавтра Новый Год —
глухой да немой.

Ты надень на петуха
нательный крестик мой.

«Дай мне бутылку черного...»

Дай мне бутылку черного

*В пятерню.
Я лишь Небу покорная.
Ему – не изменю.*

*Дай мне бутылку красного!..
Петуха – на оцип...
В жизни нет ничего прекрасного,
Если твой Бог погиб.*

У проруби

Я к синей проруби сошла —
Ох, горячо!.. —
Вода блестит больней стекла,
И руку я – до дна, дотла —
По плечо.

А частокол железных крыш!..
А под водой ерши...
Я ночь. Я маленькая мышь.
Ни души.

*Все люди сытые спят,
И все несъятые спят;
И яйца фонарей горят
Пасхальным золотом;
Осколки льда хрустят,
свистят
Под сапогом и молотом.*

Сажусь. Ко льду примерзнет зад.
Выдерну золото из кос
И леску сплету, и – ловись, сазан,
И ловись, судак, и не верь слезам,
Вон их сколь в мире – слез...

*Кто ко мне Ты – по воде?..
Льдины, льдины в бороде...
Голые стопы, худые...
Дай скорей Твои следы я
Подберу – за шубу – хвать!..
Я, птенцы, я ваша мать...
Подаяние мое...
Пятки кус... Пурги белье...*

...Он шел ко мне,
Он шел ко мне
По слюдяным водам.
Дымилась борода в огне,
Льнул аметист к ногам.

Весь рыжий беличье старик,
Кривой, как гриб сухой,
Он шел ко мне, летел, как крик,
Над ночью мировой.

Его огонь горел в ночи.
Во льдах текла река.
И так Он выхрипнул:
– **Молчи!**
Юдоль твоя легка.

Он сел со мной на синий лед.
Горбушку раскроил.
Вот так и наша жизнь пройдет,
Сгорит до легких крыл.

До ангельских, из-за спины
Воздетых – ко звездам...
– Старик, а брови ледяны..
Еще дай хлеба!..
– **Дам...**

И так у проруби сидим,
Босые мы, вдвоем,
Сидим и жесткий хлеб едим,
И зимний хлеб жуем.

И ночь нам звездами солит
Горелый бок земной,
И так у нас вдвоем болит,
Внутри, под ребрами болит —
Не у меня одной.

*...Исусе Ты мой, Исусе!..
Умрут ледяные гуси...
С медведей сдерут меха...
Подари мне петуха!
Рыжая борода...
– Я сам – петух хоть куда...
Да только ты не курица...
Щурится.*

И тайно, во мраке,
Воет и плачет собака,
Как старуха у гроба,
У сахарного сугроба.

«Я каменная баба...»

Я каменная баба.
Вот каменная грудь.
Вот каменный живот мой.
Вот каменный мой путь.

Вот я иду по свету.
В меня камнями бьют.
Вот я иду по снегу,
Власа мои – Салют.

Вот я стою – населец
Широкой Площади.
Мне каменное сердце,
Мальчонка, пощади!

Не бей!.. – стреляют искры...
Вороны – в небо – влет...
Я жду: ударит выстрел,
И камень запоеет.

Столь горя в жизни было,
Что медь и лба, и плеч,
Спины булыжник стылый
Не смогут в землю лечь.

Кровей и криков груды...
Горящих ликом руды...
Холодных тел ломоть...

Столь было в жизни чуда,
Что стала камнем плоть

Навек.

«Ну, сбегай же с ума...»

*Ну, сбегай же с ума.
Это просто.
Видишь, бьются в осколки – задарма —
Лица и звезды.
Полотенце ветра трет,
Трясаясь, отирает
Мне мокрые щеки
и кривой рот,
И лоб – от края тоски до края...*

*И нет ничего под Луной
За что я бы не заплатила.*

*Спой надо мной, священник больной,
Без паникадила.*

Схождение с ума

Снег – белый лис. Хвостом он заметет
И век, и час, и год, уста мои и рот,
И рода знак; испод; стежки и швы
Морозных игл; костей; сухой травы.
Я так проста. Пуста, как чан и кадь.
Схожу во тьму. Мне нечего терять.
Все пело. Все летело. Все ушло
Водой – в пески; нутро мне обожгло,
А нет нутра.

Я – волос из хвоста
Лисы-зимы. Святая простота.
Мне надо только пить. И хлеб. И воздух – жить.
Скамейку, где мне голову сложить —
Вокзальную ли, прачешную... – мир
Такой простой, немой, из черных дыр.
Навозник съел его и короед.
Теперь насквозь мне слышен хор планет.
Как бы рубаха ветхая моя —
Пурга, слепая плева бытия:
Метет, свистит... кудрит... кудесит... жжет...
Пустые лица. Это мой народ.
Пустые бочки тел, плечей, грудей и щек.
Подковой – зубы, жгущие кусок.
Одна грызня. Один удел: добыть,
Пожрать, смолоть. Усы подъяв, завить —
Кровь с морды – кап – на полную Луну.
Она пуста. Я в кулаке сомну
Газетою – ее. Я выброшу кольцо
Ее – в сугроб. Я плюну ей в лицо.
Куда ни гляну – пусто. Гардероб —
Ни зипуна. В еловых лапах гроб
Пустой. Кого хоронят днесь?!..
Вождя?!..
На обшлагах – две запонки дождя.
Пустые лица плакальщиков. Вой
Пустой – над непокрытой головой.
Ни мысли в ней. Я плачу это. Я.
Плач. Косы. Снег. Вот вся моя семья.
Вот жизнь моя. Она, как вой, пуста,
Долга, тяжка, грязна, грешна, свята.
Она – одна. Я это сознаю.
Прими ж с поклоном чашу ты мою,
Скудельный тот, сей сирий алавастр,
Куда – на дно – с консолей и пилястр —

Вся штукатурка ссыпалась, века... —
Пустой сосуд, легчайший, как рука,
Его все били, били – не разби...
Его верблюды клали на горбы,
А как хлебал солдат из фляги той —
Под пулеметом – сласть воды Святой!.. —
Он полон был. Он лил. Он извергал
Багряный шар. Он воды изливал
Околоплодные, что серебра светлей.
Поил сосцами нищих и царей.
А нынче – пуст.

А нынче вся зима
Сошла с ума. И я сошла с ума.
Луна пустая – светит голова.
В ночи я ни жива и ни мертва.

И я встаю. И надеваю дрань.
И выхожу – в ночную позднь и рань.
И я иду. Эй, ты, любимый люд!
Какие шапки носят?!.. – все сожгут.
Какой ты, люд, стал пышный да цветной.
Павлин ли, мандарин... – а вон с сумой
Кудлатый нищий, пьяный, дикий пес.
И ты, мой люд, ему не вытрешь слез.
Увешался мехами от ушей
До срама!.. страусят и лебедей
На бабские ты кички общипал,
Ты, скотий кнут, ты, царь Сарданапал,
Чем исковеркал ты язык родной?!..
Не лапай. Я не буду ни женой,
Ни подворотной халдушкой тебе.

...А пот и соль сверкают на губе...
Дай вытру... дай и слезки оботру...

Я среди вас ступаю на ветру
Босая, и глаза мои горят,
И флагом во пурге горит наряд!
И вся я – Аллилуия в ночи!
Меня одну не сдюжат палачи!
Больницы, ямы, тюрьмы не сгноят!
Мой царский ход! Мой выезд! Мой парад!
Я победила вас – тем, что ярка.
Что в поднебесье – мне лишь облака
Сготовлены. Что я кидаю крик
Над горами монет. Кидаю лик —
В собранье рыл. Кидаю хлеб-кулак
Тебе, богач несчастный и бедняк,

Тебе, посудомойка из чепка,
Тебе, старик Матвей, тебе, Лука!
Мой разум помрачен?!.. Всегда бывал
Во мраке – свет. Всегда горел подвал
Под черною тюрьмой. Всегда мерцал
Во мраке – поцелуй: из всех зеркал.
Темно. Слепа. Ступня по льду. Хрустит
Хрящ жалкий, кость. Упала!
Бог простит
Тебя, кто мне подножку... под уздцы..
Как надо лбом твоим горят зубцы!..
Корона... Заметает снег ее...
А я пуста... И в грязное белье
Завернута, как с кашею горшок...
Я – твой пустой стакан... на посошок...
Возьми меня, потомок ты царей.
Над головой воздень. Ударь. Разбей.
Устала я лишь морды созерцать.
Клешни да когти жать и целовать.
Точить елей, лить мирро и вино
На торжников и курв – им все одно.
Иду в ночи. Вот дом. Его стена,
Как масло, режется звездами.
Сатана
Тут пировал. Как по усам текло.

Разбей меня. Я тусклое стекло.
Да не ослепни: меж осколков – сверк! —
Алмаз: Я ЧЕЛОВЕК. Я ЧЕЛОВЕК.

«Дыряв мой мир...»

*Дыряв мой мир.
Дырявей шляпы.
Дырявей сита-решета.*

*На дыры не наляжет лапой
Раскидистая тень Креста.*

*Он изнутри изъеден.
Боли
Не будет, коли час пробьет.*

*Те, кто вопил в зенит: «Доколе?!..» —
В беспмятный вмерзают лед.*

Ни памяти не будет в мире.

Ни красоты – одна дыра

*Взамен лица. Пирог на пире —
Во споротом дыму нутра.*

*А если лиц не будет, то и
Сердец не станет.*

*И, дрожа,
Умрет последнее Святое
На ярком лезвии Ножа.*

«Все на свете были мальчики и девочки...»

Все на свете были мальчики и девочки.
Лишь одна я – кудлатая старуха.
Все на свете пели песни и припевочки.
Лишь одна я жужжала медной мухой.

Анфилады и палаты, залы, зальчики...
И халупы, и дощатые сараи...
Все на свете были девочки и мальчики.
Лишь одна я, старуха, умираю.

Как умру – вот стану я собаченькой,
Вот кощенкой стану я облезлой...

Девки, девочки, пацанки, шлюхи... – мальчики... —
Стану старым Ангелом над бездной.

На Тайной Вечере

Меня вы в грудь не толкайте.
Я тихо приду сюда.
На стол все миски поставьте.
А вот вино и вода.
А вот это пламя погашено
В светильнике —
под скамьей...
Какие лица. Как страшно.
Давай, притворюсь немой.

Здесь курят. Здесь соль кидают
Щепотью через плечо.
Здесь плачут. Как здесь рыдают.
Как любят здесь горячо.
А вот и пирог на блюде,
И свечи возожжены...
Какие родные люди.
И все умереть должны.

Да все ли, Господи?!..
Все ли?!..
«Да, все, блаженная. Все».
И в круг за столом расселись.
И брызги в моей косе.
То – кто-то рядом заплакал.
То – масло кипит в котле.
То – дождь сквозь крышу закапал.
Как больно жить на земле.

Не слезы то и не масло, —
То Царские жемчуга!
Хозяйка – так скулы красны —
Несет на шапке снега,
Задохшись, входит с мороза,
Хватает с вином пиалу...

Мои распущены косы.
Я – тут, на полу, в углу.

Хлеб ножиком острым ранен.
А в кружках горит вино.
Дитя заводских окраин,
Железное веретено,
Гляжу на бутыл, горбушку,
А может, и мне нальют...

Тяну железную кружку —
Пусть тайну мне выдают...

Да нет. Не надо мне тайны.
Пора отправляться в путь.
От сердца и до окраины —
Худые ребра и грудь:
Под теплой сирой тельняшкой,
Собачьим полшубняком...
Огрызком. Опоркой. Одяшкой.
Огарком. Рыбой с душиком.
Товарняком. И флягой,
Где чистый плещется спирт... —
Порожняком, бедолагой,
И печенью, что болит —
Сожженной цингой печенкой,
Барачной, полярной, той,
Запястий пытальной крученкой
Да кровью под голой пятой...

Да, Тайная наша Вечеря!
Да, пьет втихаря народ!
Да, жжет в поминанье свечи,
Заклеив ладонью рот!
Да, так опрокинет стопку,
Как в глотку забьет себе кляп,
Как кинет в печь на растопку
Надгробных еловых лап!

Да, войнами сыт по горло
И революциями тож,
Втыкает в свой хлеб
позорный,
Заржавельный, Каинов нож...
А свечи горят, как в храме!
А бабы, как на похоронах,
Ревут, блажат меж гостями,
Меж красной икрой на блинах!

Вино красно. И варенье
Красно. И судьба красна.
Народ исчерпал терпенье,
А жизнь у него одна.
И бац – кулаком – о столешницу.
И встанут из-за стола.

И я, мышонок и грешница,
Речей ваших пересмешница,

Небес ваших тъма-кромешница,
И я меж вами
была.

«Наползает черное крыло...»

*Наползает черное крыло
На: колбасы, зразы, стразы,
маракасы, ананасы...*

*Наставляю черное стекло —
Закопченное – на ярость Солнечного Глаза.*

Накрывает беспробудный мрак

Белую парчу, ах, бешеного блеска...

*Я не откуплюсь. Давай за так.
Вот моих волос тугая леска.*

*Так хватай из неба и тяни,
Черная рука, меня за космы —
И забью, как в колокол, в огни,*

*Отзвоня последние вам дни
Ярко, страшно, весело, раскосо!*

*И поднимут лица тяжело.
Взглядами изловят в поднебесье.
Не стращай ты, черное крыло.
Буду вместо Солнца – вам тепло?!..
Буду птицей – вместо бесьей песни.
Буду лодкой – писти кость – весло:*

Во Иной вас Мир перевезу.

Из пустых вам дыр утру слезу.

*Молоко вам с губ я черное
Утру.*

*Я одна! я!.. курва непокорная!.. —
За вас умру.*

«Вы, звери мои и птицы!..»

Вы, звери мои и птицы!
Вы, ягоды на лотке!
Мне вами наестся,
напиться,
Нажиться... – ножик в руке...

Вечерняя вы свобода.
У Солнца вы борода!
Торчу посреди народа —
Изюм,
птичий глаз,
звезда...

А люди... а злые люди..
По морде – наискось – шрам...

Кроши мою плоть на блюде —
Синицам и снегилям!

Кинь кости мои – собакам,
Так воющим на Луну,
Что я – булыжником в драке,
Рубином в раке – сверкну.

Золотая Голова

Не богиня... не гадина...
И зачем еще жива...
Почему же мне не дадена
Золотая голова?!..

Я бы гладила ее медные блики,
Золотые – ниткой – швы.
Я б отбрасывала с лика
Пряди золотой травы.

Я б ощупывала ночами
Гудящий золотой котел:
Вот она корона,
вот оно пламя,
Вот он, золотой престол.

Вот она, золотая слава —
По трактирам, на путях;
Вот они, скипетр и держава
В крепко сцепленных костях.

«На тебе кус калача, родная: он похож на топаз...»

*На тебе кус калача, родная: он похож на топаз,
Что нагло воткнул в шапку Мономаха.
На тебе дохлую курицу
с мертвым закатом глаз,
На мою соленую рубаху.
На тебе все мое —
а у меня ничего-то и нет!.. —
Я тебя, дура, обманула:
Только тот свет,
только этот свет,
Да только я уж и свечу
задула.*

Жарю курицу посреди улицы, на пепелище

Она, как и я же, бродила среди вас нищей.
Она, как и я,
зерна со льда клевала —
Конфеты, монеты...
ошурки, окурки...
птенцам из клюва давала!..
Не думала, квочка, гузном тряся,
что ее изловят,
Перебьют голени,
гребень проткнут,
выщиплют белые брови,
Ощиплют все по волосочку —
и там, где срам куриный,
И там, где Пасхой – золотое яйцо
в ограде свечей старинных...

Курочка-дурочка, жарься.
Ты мне другом была.
Никто над тобой не сжалился
В дыму железа, стекла.

Курочка-дурочка, тише.
Паленым пахнут снега.
В багровой тьме не услышат,
Как ты мне дорога.

Черная ли, пеструшка...
Белая ли, как лед...
Костер. Сковородка. Кружка.
Голодные зубы, рот.

Сгорело дотла жилище.
Святыню, скарб не спасли.
Я жарю на пепелище
Святую пищу любви.

Зима. Как занес в холод, Боже,
Пожар – свечой – на чердак...
Идет по людской коже
Куриной кожи наждак.

И мы, Боже, только куры,
На гузне рисуй звезду.
И мы дураки и дуры,
И жариться нам в Аду.

И ты... – подойди, мальчонка,
Крыло согни, отломи...
А жареная печенка,
Любимая меж людьми?!.. —

А белое мясо, грудка, —
Как сладко его кусать?!.. —
Антошка, Петька, Мишутка,
Ушанка-рухлядь-ухвать...

Щербатые, пацанята,
Что жметесь, – поближе, ну...
Я в дольном мире треклятом
Ломоть вам в зубы втолкну.

Огрызок тощего мяса:
Живое – вживе дотле!.. —
Чтоб вы своего часа
Не знали на голой земле.

На тебе, Федя, кусок,
и тебе, Коля, кусок;
А я сама привяжу за живой в помощи поясок
То, что вы не догрызли:
Кость воли,
Ребро жизни...
Будет куриный скелет
на черном поясе моем
С моим животом танцевать вдвоем:
Жареный клюв меня в пупок – клюк!
Ай ты, девка, отбилась от рук...
Курица волнуется,
шумит лебеда,
От огня – только дым,
горе не беда!..
Вот беда – от огня...
только смрад и дым...
А голодные глядят...
над костром... над ним...
А голодные глядят
на сковороду,
А голодные едят
да мою еду,
А голодные... уже – сытые они...

Ты крестом сожженной лапы
их да осени...

Юродивая и скоморохи (хоровод)

Кувыркайся бесом, прыгай,
Колесом ходи!
Нынче сброшены вериги.
Выпиты дожди.
Черноземные ковриги
Съедены, поди!

Люди, люди, мы не боги, —
Мокрые зверьки!
Посреди сугробов – крохи,
Люди, мы лишь скоморохи,
Дудки да гудки!

Вот он ты – гудок фабричный.
Вот он – заводской.
Вот – сиреною больничной!
Вот – истошный крик опричный!
Праздника отлом коричный...
Долгий – волчий – вой...

Кто варган тащит,
кто дудку;
Кто – побудку и погудку
Во трубу трубит;
Эх, война, дурная телка!
Вместо глаза – мертвой щелкой
Зыркнет инвалид...

Жизнь – веселье дикой пляски!
Жизнь – мазки кровавой краски
На седом снегу!
Люди, люди, скоморохи, —
Сброд, цари, святые, лохи, —
Больше не могу...

«...Скоморох, скоморох...»

...Скоморох, скоморох,
скоморошенька!
Из котла поешь мою окрошеньку:
Скелетами – трубы,
Пистолетами – губы,
Уши заячьих снегов,

Улы красные гробов,
Флагом – Ангела крыло
В небо бьется тяжело,
Резкий визг стальных повозок,
Бородищи, от мороза
Сыплющие серебром
На ветер, где мы помрем...

И, дай Господи, не спиться —
Лица, лица, лица, лица,
Медию – по белизне,
Поплавком – на глубине,
И с глазенками слепыми,
И с зубами золотыми,
И со ртом, где гаснет ложь,
И с улыбкою как нож... —
Что ж
ты замер, скоморох?!
Черпаком лови горох!
Лук – тyani! Хватай – морковь!

...Холод. Жизнь. Еда. Любовь.
Музыка – из дудок всех.
Из луженых глоток – смех.
В кулебяке – рыба-сом.
Дай с тобою – для потехи —
Я пройдуся – колесом.

«...Пляшу, плясица!...»

...Пляшу, плясица!
Гармонь в руках гудит.
Седая псица —
Весь мир в меня глядит.

На по – хо – роны
Деньгу я соберу!
Нам нет закона
На площадном юру.

Гармошку вертит
Калека в кулаках.
Он был от смерти
Верней чем в трех шагах.

Под визг, плач, хохот
Я площадь пяткой бью.

Монетой – холод
Летит в щеку мою.

А я танцую!
И снега белый мох,
Как мех, к лицу мне!
И плачет скоморох —

Солдат поддатый,
Еловый инвалид:
Ништяк, ребята,
Там больно, где болит.

«...И пошла ПЛЯСКА СКОМОРОШЬЯ...»

...И пошла ПЛЯСКА СКОМОРОШЬЯ.

Кувырк, враслопырк, пробей пяткой сотню дырк! —
Летит ракша, кряхтит квакша,
А на пятках у тебя выжжено по кресту,
А и прикинули тебя жареной лопаткой ко посту,
Швырк, дзиньк, брямк, сверк!.. – стой:
Лезвие – под пятой:
Из распаханной надвое ступни —
Брусника, малина, рябина, – огни:
Глотни!.. – и усни...
обними – не обмани...
Пляши, скоморохи, – остатние дни!..

Ты, дядька-радушник, кровавый сафьян!.. —
Загашник, домушник, заржавелый наган:
В зубах – перо павлинье, сердчишко – на спине:
Вышито брусникой, шелковье в огне!
Бузи саламату в чугунном чану,
Да ложкой оботри с усов серебряну слюну:
Ущерою скалься, стерлядкой сигай —
Из синей печи неба дернут зимний каравай!
Кусочек те отрежут! Оттяпают – на! —
Вот, скоморох, те хрюшка,
с кольцом в носу жена,
Вот, скоморох, подушка —
для посля гулянки – сна,
Вот, скоморох, мирушка, а вот те и война!
Гнись-ломись, утрудись, —
разбрюхнешь, неровен
Час, среди мохнатых, с кистями, знамен!
Венецьянский бархат! Зелен иссиня!

Зимородки, инородки, красная мотня!
Красен нож в жире кож! Красен ледолом!
А стожар красен тож, обнятый огнем!
Лисенята, из корыта багрец-баланду – пей!
Рудую романею – из шей на снег – лей!
Хлещет, бляя, пузырясь, красное вино!
Блеск – хрясь! Рыба язь! Карасю – грешно!
А вольно – хайрузам! Царям-осетрам!
Глазам-бирюзам! Золотым кострам!
Мы ножи! Лезвия! Пляшем-режем-рвем
Шелк гробов! Родов бязь! Свадеб душный ком!
Ком камчатный, кружевной...

а в нем – визга нить:

Замогали щенка, чтобы утопить...
Ах, ломака, гаер, шут, – ты, гудошник, дуй!
А сопельщика убьют – он-ить не холуй!
А волынщика пришьют к дубу, и каюк:
Гвозди рыбами вплывут в красные реки рук...
Ах, потешник, гусяр! Пусть казнят! – шалишь:
Из сороги – теши ты ввек не закоптишь!
Хрен свеклой закрась! Пляши – от винта!
Бьется знамя – красный язь – горькая хита!
Красная рыба над тобой бьется в дегте тьмы:
Что, попалися в мереду косяками – мы?!
Напрягай рамена, чересла и лбы —
Крепко сеть сплетена, не встанешь на дыбы!
Не гундеть те псалом! Кичигу не гнуть!
Пляшет тело – веслом, а воды – по грудь...
Пляшет галл! Пляшет гунн!
Пляшу я – без ног!
Что для немца – карачун, русскому – пирог!
А вы чё, пирогами-ти обожрались?!..
А по лысине – слега: на свете зажились?!..
Заждались, рыжаки, лиса-вожака:
Нам без крови деньки – без орла деньга!

...пирогами, берегами, буераками, бараками, хищными собаками,
Банями, глухоманями, услонами-казанями,
Погаными пытками, пьяными свитками,
Вашиими богатыми вырубками,
вашиими заплатами-дырочками,
Кишмишами, мышами, поддельными мощами,
Учеными помощами, копчеными лещами,
Ледяными лесами, красными волосами,
Сукровью меж мехами, горячими цехами,
Чугунными цепями, цыплячьими когтями,
Вашиими – и нашими – общими – смертями, —
Сыты – по горло!
Биты – по грудь!

А умрешь – упадешь – зубов не разомкнуть:
Крепко сцеплена подкова, сварена серебром —
Ни ударить молотом,
ни разбить серпом,
Ни – в скоморошью – рожу – кирпичом:
Из-под век – кровь на снег,
Ангел – за плечом.

«... – Эй, возьмитесь за руки, красные люди!.. ...»

... – Эй, возьмитесь за руки, красные люди!.. —
Не взялись.

Горкой красного винограда
на грязном зимнем блюде
Запеклись.

– Эй, что ж вы не пляшете, скоморохи?!..
Ноги отсохли, ну?!.. —

На морозе распахнуты шинели, ватники, дохи.
Всех обниму: оглянусь.

– Эй, что молчите...
на меня колко глядите...
как... елка в Новый Год?!..

И с гармонью инвалид
харкнул из глотки холодный болид:
– Дура. Война-то... идет.

«...Она все бегала, трясла...»

...Она все бегала, трясла
За ветхие рукава
Народ; руки, как два весла,
Хватала – и вперед гребла!
А люди в спину ей: «У осла
Разумней голова».

Она так мнила: скоморох!..
С колокольцами,
в алом колпаке!..
А фиксу скалил пустобрех

С кастетом в кулаке.

И, когда она голые ноги ввысь
Взметнула из-под мешка,
Крутясь колесом, —
«Чур меня, брысь!..» —
Крикнули два старика.

«Сдается, тута света конец,
Коль девка сбежала с ума!..»
«Да ну, – процедил пацан, – отец,
Снимают синема!..»

А она все кричала:
«Скоморохи, эй!..
Одежды ваши красны!..
Давайте вверх поведем людей —
От зимы до полной Луны.

До толстой Луны, купчихи, что сосной
Топит медный свой самовар,
По лунной дороге, витой, ледяной,
Как из мертвого рта – пар!

По лунной дорожке,
все вверх и вверх,
Наставляя о звезды синяки,
Катитесь, о люди, швыряя смех,
Как солнечной крови клубки!

Кидая оземь рюмки слез!
Хрустальную жизнь бия!
Пускай на земле трескучий мороз —
Со скоморохом в шубу из кос
Живых – завернулась я!..

И мы дойдем к старухе Луне!
И она нам чаю сольет,
И патлы омочит в белом вине,
И к зеркалу сунет лицо в огне,
И рот беззубый утрет...

И там мы забудем земную боль,
Забудем красные сны;
И в лунной пыли, что – мелкая соль,
Будем плясать, нищета да голь,
На Обратной Стороне Луны...»

КОНЕЦ ПЛЯСКИ СКОМОРОШЬЕЙ,

ИСПОЛНЕННОЙ СИЛОЮ БОЖЬЕЙ.

*ГОСПОДЕВИ ГОСУДАРЕВИ ГОРАЗДО ГРОЗНО
БАБЫ-ДЕВИ НЕ РЕВИ В РАСТРУБ СЛЕЗНО*

«Морозу – верь... древняна дверь...»

Морозу – верь... древняна дверь...
И воя
Собак – катит пятак —
над головою...
И неба желтый, жирный кус.
Я серых туч боюсь убрис
На темечко надеть
И умереть.

И холод жжет, сжигает кость
и мясо...
Я возвернулась – поздний гость —
со пляса.
Плясали гадко.
Сосали сладко.
Из серых туч глядит дремучье Око
Спаса.

Тяну себя вперед, в мороз
Постыло.
Прищуры слез... завивы кос... —
Все – было.
Ты щучье, тучье, снеговое
Следи над голой головою...
Река вдали... и край земли...
Не обняли. Не помогли.
Нас двое:
Живое. Могила.

«Мои облака... облатки...»

*Мои облака... облатки...
Медного Солнца бадья...
Я с крыши шагну —*

*и пяткой —
Куда не ступала я.*

*Иду по тучам — царица-синица!..
А вы внизу, людшики, махонькие —*

*в колесе спицы...
А вы, людшики, врасыпную ползете, букашки,
На каракуле улиц завьетесь в барашки,
Со звоном, рюмашки, столкнетесь лбами... —
Губами... — следами... — слезами... — судьбами...
И руки я удилицами к вам опускаю —
И лескою — косы:
но ах!.. не поймаю —
Лишь облако сырое
в кулаке сжимаю,
Лишь влагой небесной
лицо отираю...*

*И по небу иду —
и не дойду до Рая.*

Ход Ксении по облакам

По шершам, занозам бревен проведу рукой...
Вот вы, розвальни, какие – Царские Врата:
Там – солома, там – полома,
там – полны тоской
Очи голые, нагие, смольные уста.

И в березовые сани сяду, помолясь:
Вы, рыгающие дымом Адские возки!.. —
Расступись!.. – и полечу я в звезды, снег и грязь,
И солома будет точно золота куски!

И, пока лечу я в санках, обозрю прогал,
Где родилась, где крестилась, где метель и мрак,
Где прижался псом бездомным
да к босым ногам
В колпачонке с бубенцами – мой Иван-дурак...

И я век, платок суровый, да прошью насквозь:
Костяной, стальной иглою – так обожжена!.. —
Так вобьюсь в березов полоз,
да по шляпку гвоздь,
Дщерь воронья, мать сорочья, снегова жена!

Шибче, розвальни, неситесь!.. —
всех перекрещу:
И преступных, и доступных, и в крови по грудь,
Саблезубых и беззубых —
всех – до дна – прощу,
Ибо мал, печален, жалок наш по снегу путь.

Наши розвальни кривые, кучеры – кривей,
Наши воры – сапогами – в ребра лошадей,
Но как нищ весь путь наш, люди,
во снегах полей,
Но как больно отрываться, люди, от людей.

И машу, машу вослед я лапкою худой,
Лисьей лапой, птичьей цапой, лентою со лба:
Вы запомните мя, люди: в небе – над бедой —
Простовласая комета, горькая гульба.

«...Весь век мой высечен. Изрезан до кости...»

...Весь век мой высечен. Изрезан до кости.
Передо мной мерцают сани,
Как шуба на снегу.
Народ, прости.
Гляди дегтярными глазами.

Кричала... пела... Нет моей вины,
Что вы в парче, мерлушке и финифти.
Брусчаткою расколотой страны
Вы под ногой меня не сохраните.

Был страшен век. Есть страшен приговор
Ему, распявшему колькраты
Детей и птиц, Дух, Слово и Простор,
В чьи длани вбиты мертвые солдаты.

Я в розвальнях, – а бревна иней скрыл...
Да сиречь: локти, голени и спины... —
Качусь; мохнатый снег – подобьем крыл;
На холоду железом синим стыну.

Прощай, мой век! Проехала твои
Расколы, копи, рудники, болота!
От ненависти Божьей – до любви
Звериной, до соленых ребер Лота!

До челюсти ослиной, коей мы
Врага в жестоких битвах побивали,
От воли неба – до камней тюрьмы,
Где нас пытали, где мы хлеб жевали...

Остались сани! Волка бешеной, народ
Ледово скалится, и пяткой клюкву давит,
И помидоры из бочонка в рот сует,
И на черницу в розвальнях плюет,
И в облаках орлицу славит!

А я?!.. – В собачью шубу запахнусь
Потуже; бирюзовый крест запрячу
В межгрудье; шею вытяну, как гусь,
Смотря обочь, шепча опричь, обаче.

И с напряженьем, будто бы суму
На спину взваливая неподъемно,
Я над толпой двуперстье воздыму —
Язык огня – над ночью огромной!

И высвечу! И краденые клады освещу!
И озарю позорные подземья и подвалы!

Перекрещу! Пересвищу! Прощу
Вязанки преступлений небывалых!

Весь дикий, весь великий волчий грех,
От первородства до могилы сущий, —
О, розвальни трясет... — прощаю всех,
Рожденных, и погибших, и живущих!

И на меня так пялятся глаза —
Так тычут пальцы – рты в раззявстве ширят —
И блеет бедной музыкой коза,
И запах гари, и медяшки-гири,

И кошкой – старикашка на снегу... —
Он по зиме – босой, и я – босая...
А кони мчат, и больше не могу,
И вон с земли – в зенит – метель косая!

И я лечу, откосно, круто – вверх...
Вы с норовом, кудлатые лошадки!..
Буран – острей ножей – в лицо, и смех,
И ягоды червонной выплес сладкий

Под языком!.. и вдаль – по облакам!.. —
И вширь – по праху, воздуху и пуху,
Белесым перьям, угольным мешкам —
До слепоты, до исступленья духа!

Я в небесах! Я, дура, в небесах!
А вы меня – на черном льду – топтали...
Я бирюза на снеговых цепях,
Я метка на лоскутном одеяле!

На знамени я вашем бахрома!
Запечена я в нищей сайке – гайкой!
И оттого я так сошла с ума,
Что я на ваши звезды лаю лайкой!

И выпрыгну из розвальней! И побегу
Я босиком – по облакам пушистым!
Я умереть могу! Я жить могу!
Я все могу! Я синий камень чистый!

Я крест ваш, яркий бирюзовый крест!
Я к вам из туч свисаю на тесемке —
Вам не схватить! Сухой и жадный жест.
Не перегрызть! Не оборвать постромки!

И платье все в заплатках, и шубняк

Когтями подран, и глаза-колодцы,
И – кто мне в пару?!.. кто из вас дурак?!.. —
Пускай за мной по облакам увьется!

Бегу!.. – древесной тенью на снегах.
Крестом вороны. И звездой в разрывах
Рогожных туч.
И – человеческий страх:
Как в бирюзовых, Божиих мирах,
Как в небе жить?..
Не хлебом... люди живы...

И, облака измеривши пятой,
Смеясь, подпрыгивая, клича, плача,
Прикидываясь грешной и святой,
Кликушей, сойкой, головней горячей,

Все зная, все – что на земле убьют!.. —
Распнут зубами, зраками, плевками!.. —
Танцую в небе, шут, горящий прут,
Салют – над скатертями, коньяками,

Над крыльями духов, над тьмой параш,
Над кладбищами вечных малолеток —
Мой грозный мир, теперь ты не продашь, —
Жестокий пир, дай неба – баш на баш!.. —
Свой синий крест нательный
напоследок.

«Не увлакивай меня...»

*Не увлакивай меня
В табачную подворотню!
К деревянным дружкам...
Я воробья благородная...
Я хочу к сияющим пирожкам...
В ночь Радуги Салюта...
Что ты руки крутишь мне?!..
Я вся ветрами продута,
А голова моя гудит в огне.
Я умру на кривой улице —
Так нагадала мне вокзальная лебедь.
Не тащи меня... пусти... ты же умница...
меня же надо любить... лелеять...*

*Что ты мнешь меня под живот?!..
Сорву... твой лысый парик!..*

Я вижу в глазах твоих

Лед.

Я вижу твой голый

Лик.

Ты кладешь свой ледяной лик

на мое заячье лицо,

слепя.

Улыбка судоргой сведена.

Глотка плюет и клекочет, хрипя.

Но я никогда не лягу под тебя,

Сатана.

Борьба Ксении с Дьяволом

Вот нож.

Вот он – в руке моей,

поелику острашеньем владею.

Вот дрожь.

Я кладу ее ожерельем на тощую шею.

Вот жизнь.

А вот Дьявол. Коротка его резкая стрижка.

Держись.

Я сражаюсь огнем и мечом. Берегись, мальчишка.

Блеск ножа – то во мраке чехонь.
Солона эта вобла.
Рукоять. Пот покрестит ладонь.
Подворотная кодла.
На меня. От меня. Выпад вбок.
Это маятник, Дьявол.
Нож в кулак мне, смеясь, всунул Бог.
Он меня не оставил.
Хрип трахеи. Бросок. Получи!
За детей под прицелом!
Вместо толстой церковной свечи
я сгораю всем телом!
Я копыта отрежу тебе!
Я рога обломаю!
В жалкой жизни, в мышинной судьбе —
не тебя обнимаю!
Ты сожрал много душ... на, возьми!
Мрак. Безвидный. Бесслезный.
Поножовщина между людьми
в подворотне морозной.
Эта баба пьяна, а мужик
налил zenки до краю.
Ножик – мах-перемах. Ножик – вжик.
Я тебя покараю.
Я – лишь нож. Лишь возмездье. Я лишь
хрип и всхлип в лютой смоли.
Ты убьешь меня. Не пощадишь.
Я сражаюсь до воли.
Я до смертной победы дерусь,
и сверкают над нами

Звезды дикие – я их боюсь,
волоса-мои-пламя.
Выдыхаешься. Выдохся. Вы... —
ах ты, Дьявол. Смышленный.
Из серебряной, снежной травы
пахнет дровом паленым.
Я сожгла его – яблок не пить!.. —
не кидать Змею в яму!.. —
Я сожгла его, чтоб накормить
мужичонку Адама,
Чтоб на страшных углях и огнях,
на дровах этих Райских
Я варила в котле на костях —
для зубов наших рабских —
Для ввалившихся щек, языков,
голодно почернелых —
Эту длинную стерлядь-любовь,
хорду Божьего тела,
Эту, с вонью тузлучной, чехонь —
под ребро – узкой сталью...
До победы. До смерти.

...Огонь!
Мы зарю проморгали.

Вышел ты из шерстей и из кож.
Хохотнул очумело.
И горит на снегу черном нож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.